

УДК 81'373.47

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

Николина Н. А.

*Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1 / 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель статьи – выделить типы метаязыковых комментариев в художественной прозе И. А. Бунина и определить их функции в тексте.

Процедура и методы исследования. Автором статьи проведён анализ произведений И. А. Бунина, в процессе которого были выделены и классифицированы метаязыковые комментарии разных типов, а также определены наиболее распространённые метаоператоры. В ходе анализа применялись структурно-семантический метод и метод наблюдения.

Результаты. Выявлены наиболее частотные в прозе Бунина рефлексивы: толкования слов, их оценки, характеристики различных особенностей речи персонажей. Определены основные функции метаязыковых комментариев в произведениях писателя: характерологическая, оценочная, текстообразующая. Показано, что рефлексивы актуализируют добавочные семантические компоненты в комментируемых лексических единицах и способствуют установлению контакта с адресатом текста. Особенностью идиостиля Бунина является связь метаязыковых комментариев с интертекстом.

Теоретическая значимость работы определяется типологизацией метаязыковых комментариев и установлением их связи с идиостилем писателя.

Практическая значимость материалов статьи обусловлена возможностью их использования в практике преподавания и лексикографической практике.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, рефлексив, метаоператоры, интертекст, речь персонажей, функция, оценка, структура текста

METALANGUAGE COMMENTS IN I. BUNIN'S PROSE

N. Nikolina

*Moscow Pedagogical State University
1 / 1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract.

Aim is to highlight the types of metalanguage comments in I. Bunin's prose and to determine their function in the text.

Methodology. The article analyzes the works of I. Bunin, metalanguage comments of various types are identified and classified; the most common metaoperators are determined. During the analysis, the structural-semantic method and the observation method were used.

Results. The most frequent reflexives in Bunin's prose were revealed: interpretation of words, their assessment, characteristics of various distinctive features of the characters' speech. The main functions of metalanguage comments in the writer's works are determined: characterological, evaluative, text-forming. It is shown that reflexives actualize additional semantic components in commented lexical units and contribute to establishing contact with the text's addressee. A specific feature of Bunin's idiosyle is the connection between metalanguage comments and intertext.

Research implications. The work's theoretical significance consists of the typologization of metalanguage comments and the establishment of their connection with the writer's idiostyle. The practical significance of the article's materials is caused by the possibility of their use in teaching practice and lexicographic practice.

Keywords: metalanguage commentary, reflexive, metaoperators, intertext, character speech, function, assessment, text structure

Введение

В художественной речи XX века возрастает роль метаязыковой рефлексии. В прозе И. А. Бунина, всегда проявлявшего большой интерес к «жизни слова» в разных её формах, встречаются различные типы метаязыковых комментариев. Их объектом служат диалектизмы, устаревшая лексика, фразеологизмы, речевые штампы и клише, слова, вызывающие эстетическую или этическую оценку; см., например: *Были такие казаки, которые назывались бродники, – от слова бродить* («Жизнь Арсеньева»)¹; *Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать света и вести в полутемноте беседы* («Антоновские яблоки»).

Метаязыковые комментарии, или рефлексивы, в художественном тексте представляют собой отрезки речи, «выделяемые на основе семантики и обладающие типовой семантической структурой и определённым репертуаром способов в формальном воплощении» [9, с. 71]. В прозе Бунина такие комментарии носят разный характер – от вводной конструкции до развёрнутого контекста, включающего несколько предложений или реплик диалога. Например:

– Нет, братец, меня в эту пору в спальне не найдёшь. Это ведь вы валяетесь по кроватям до трёх дубов...

– Каких дубов, дядя?

– Так мужики говорят, – ответил он, мотая седым коком и оглядывая меня жёлтыми глазами, ещё зоркими и умными. – Солнце на три дуба поднялось, а ты всё ещё мордой в подушке, говорят мужи-

ки («Натали»). При этом «границы рефлексива не всегда могут быть определены чётко» [2, с. 85]. В произведениях Бунина он всегда органически связан с основным текстом. Метаязыковую рефлексивную функцию в прозе писателя проявляют как персонажи, так и повествователь (рассказчик).

Типы рефлексивов в прозе И. А. Бунина

Рефлексивы в произведениях Бунина содержат различную метаязыковую информацию и могут быть классифицированы с учётом её характера. Это:

1) толкования значений слов: *Обычно бедуины едят хыбыз, – кукурузные лепёшки – варёное пшено с козым молоком* («Весной в Иудее»); *В час они (извозчики) медленно тянулись назад и везли приезжих, чаще всего купцов с козовыми сумками, которые и теперь ещё называются сак-деволяжами...* («Чаша жизни»);

2) характеристики каких-либо явлений в речи персонажа: *В солдатах он (Родька) нахватался хохлацких слов и ударений. И если Молодая осмеливалась возражать ему на его краткие, жёсткие речи, он спокойно брал ременный кнут... и, сквозь зубы, спокойно спрашивал, ударяя на «во»:*

– Вы што говорите? («Деревня»); *Говоря и отчеканивая слова, художник в упор смотрел чрез пенсне на своего собеседника* («Безумный художник»);

3) характеристики коммуникативного поведения: ... *Так холодно, хотя и вежливо, обрывал князь свою ночную беседу с Иваном Ивановичем* («Далёкое»);

4) оценки отдельных слов и выражений: *Какое неземное слово любовь, сколько ада и прелести в нём, хоть я и никогда не любила!* («Дело корнета Елагина»); *Самыми пленительными были в них (сказках) слова о неизвестном и необычном: «В некотором царстве, в неведомом государстве, за три-*

¹ Бунин И. А. Сочинения в трёх томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1982. С. 241. Все цитаты из произведений И. А. Бунина в дальнейшем приводятся по этому изданию.

девять земель... За горами, за долами, за синими морями...» («Жизнь Арсеньева»); *Ведь это же прекрасное старинное русское слово, коим наши отцы и деды не токмо в самом высшем свете, но даже и при дворе не гнушались* («Алексей Алексеич»). *Эти феи одно из самых ненавистных мне слов! Хуже газетного "чреватый"!* («Жизнь Арсеньева»).

Особым типом метаязыковых комментариев, характерным для романа Бунина «Жизнь Арсеньева», являются рефлексивы, которые условно можно назвать генеративными. Арсеньев стремится воплотить в слове различные впечатления, найти для них точные и в то же время образные номинации, обладающие новизной выражения. Поиск слов-образов находит отражение в многочисленных рефлексивах, как правило, не имеющих в тексте специальных сигналов ввода. Например: *Я до боли держу голову закинутой назад, не свожу с него (лица луны) глаз и всё стараюсь понять, когда оно, сияя, вдруг всё выкатывается из туч: какое оно? Белая маска мертвеца? Все изнутри светящееся, но какое? Стеариновое? Да, да, стеариновое! Так и скажу где-нибудь.* В тексте при этом «происходит обогащение «идеального» художественного образа, который испытывает обратное воздействие со стороны средств своей экспликации» [7, с. 51]; в результате структура рефлексива расширяется и включает средства оценки удачного выбора метафорической номинации, позволяющего трансформировать увиденное в эстетическую реальность. Например: *«... огромный клубничный нос – тройной, состоящий из трёх крупных, бугристых и пористых клубник... Ах, так опять мучительно-радостно: тройной клубничный нос!»* («Жизнь Арсеньева»).

Наиболее часто в прозе Бунина используются метаязыковые комментарии, фиксирующие особенности речи персонажей, при этом особое внимание уделяется интонации, произношению, темпу или тону речи; см., например:

(1) *На последних словах она (Машенька) тихо, но твердо повысила голос, произнес-*

ла их убежденно: попртшь льва и дракона. Потом помолчала и, медленно вздохнув, сказала так, точно разговаривала с кем-то:

– *Ибо Его все звери в лесу и скот на тысяче гор...* («Баллада»);

(2) *«... За одно то, как актёр произносит слово "аромат" – "а-ро-мат!" – я готов задушить его!»* («Жизнь Арсеньева»);

(3) *Из-за перегородки слышен сонный, медлительный голос:*

– *Ту-та я ляжу* («Сосед»).

Метаоператоры в произведениях И. А. Бунина

Рефлексивы вводятся в текст произведения посредством метаоператоров, в роли которых в прозе Бунина регулярно выступают слова, обозначающие различные процессы речи и единицы языка (*говорить, назвать(ся), называть, слово, имя, ударение* и др.), а также вводные слова, указывающие на источник речи или способ изложения. Ср., например:

(1) – *Поменьше читки, – говорил он веско, спокойно и так властно, точно Катя была его полной собственностью* («Митина любовь»);

(2) *Большая дорога возле Становой спустилась в довольно глубокий лог, по-нашему верх...* («Жизнь Арсеньева»);

(3) *Имя у него было как у дворецкого...* («На хуторе»).

Как метаоператор последовательно используются в текстах писателя и кавычки. Это графическое средство служит специальным маркером метаязыковой рефлексии, оно «является для читателя сигналом о том, что слово «необычно» (или необычно употребляется), однако информацию о характере данной «необычности» читатель должен выводить самостоятельно» [9, с. 86]. Кавычками, как правило, выделяются в текстах Бунина диалектизмы, регионализмы, различные отступления от нормы в речи персонажей, а в романе «Жизнь Арсеньева» – новые для героя в детстве слова или неприемлемые для него штампы. Например: *... он торгуется с шуточками,*

прибаутками и даже иногда **“тронет”** на тульской гармонике («Антоновские яблоки»); ... Рассказал целую историю о том, как будто бы приехал однажды в деревню некий московский **“обуватель”**, то есть обыватель...» («Божье дерево»); Я уже знал, что мы стали бедные, что отец много **“промотал”** в Крымскую кампанию...» («Жизнь Арсеньева»); ... Клеймят **“рене-гасом”** всякого, кто хоть мало-мальски усумнился в чём-нибудь, ими узаконенном, и поминутно издеваются над чьей-нибудь **“умеренностью и аккуратностью”**...» («Жизнь Арсеньева»).

Метаоператоры в текстах Бунина часто опускаются, в этом случае вербализуется лишь часть семантической структуры метаязыкового комментария. Например, в рассказе «Смарагд» объектом рефлексии служит слово **смарагд**, при этом в первой части диалога вообще не используются метапоказатели: *«Я говорю про это небо среди облаков. Какой дивный цвет! И страшный и дивный. Вот уж правда небесный, на земле таких нет. **Смарагд** какой-то»*. И только в последующей реплике персонажа обсуждение цвета неба переводится в план рефлексива: *«... Только почему **смарагд**? И что такое **смарагд**? Я его в жизни никогда не видал. Вам просто это слово нравится»*.

Рефлексив в прозе Бунина может строиться как образная характеристика слова или речи в целом. В этом случае она базируется на основе тропа, см., например, оценку речи Якова в рассказе «Божье древо», совмещающую метафору и метонимию: *Говор старинный, косолапый, крупный. Он говорит: **що, каго, яго, маяго, табе, сабе, тяперь**, но всё как-то так, что слушать его большое удовольствие*.

В состав оценочных рефлексивов могут также входить метафорические эпитеты, выраженные сложными прилагательными: ... Сколько юношеских дум передумал, сколько твердил **вельможно-гордые** державинские строки... («Жизнь Арсеньева»).

Функции метаязыковых комментариев в прозе И. А. Бунина

Функции метаязыковых комментариев в прозе Бунина разнообразны. Прежде всего они выполняют характерологическую функцию – служат средством речевой характеристики персонажа или социальной группы. Например, в рассказе «Божье древо» объёмный рефлексив выделяет отличительные особенности речи Якова: ... Я всё дивился, сколько употребляет он слов старинных, древних даже, почти всеми забытых: **изнугряться** вместо **издеваться**, **ухамить** вместо **урвать**, **варяжить** вместо **торговать**, **огонь взнестать** вместо **зажигать**... **Нагайцев** он назвал **кумане**, – древнее название половцев, – **конину маханиной**. *Формы у него тоже свои. “Он неладно думал **об мужиков**”, – сказал он, например, про москвича. А про своего кобелька так:*

– Он любит **воять** в тёмные ночи.

Характерологическая функция часто сочетается с собственно информативной. Так, толкования этнографизмов непосредственно адресованы читателю и содержат необходимые для него сведения. Ср., например: *На голове её **“рога”**, – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной...* («Антоновские яблоки»).

В романе «Жизнь Арсеньева» рефлексивы, выступающие в характерологической функции, несут дополнительную нагрузку: они тесно связаны с сюжетом и темпоральной структурой произведения. Процесс постепенного открытия мира и постижения себя в нём изображается как процесс усвоения новых слов, с которыми в детстве знакомится герой романа. Ср., например:

(1) *Помню страшные слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь **“мертвое”** тело... Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова?*

(2) ... Мне купили сапожки с красным сафьяновым ободком на голенищах, про которые кучер сказал на весь век запомнившееся слово: **“В аккурат сапожки!”**

(3) ... *От отца и матери узнал я о существовании на свете того особенного сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убийцами.*

Как отмечал Б. В. Аверин, в «Жизни Арсеньева» значимым «оказывается для памяти не содержательность эпизода, но *интенсивность* связанного с ним чувственного переживания мира» [1, с. 183]. Это переживание и отражается в последовательности открываемых героем новых слов.

Метаязыковый комментарий в прозе И. А. Бунина нередко выявляет добавочные ассоциативные компоненты семантики слова, актуализирует приращения смыслов. Так, в романе «Жизнь Арсеньева» упоминается глагол *замолаживает* и указывается сфера его употребления. В предлагаемом автором толковании семантический объём слова при этом существенно расширяется: этот глагол становится знаком «вечной русской потребности праздника», отказа от «упорядоченности» жизни: «*Замолаживает*» – *это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нём совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности. Мужики так и говорят про водку: «Как можно! От ней в человеке развязка делается!» Знаменитое “Руси есть веселие питий” вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим “веселием” и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты – и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так слава русская литература?*

Ограниченное в своём употреблении слово, таким образом, служит средством характеристики особенностей национального характера и «отражает специфику русской ментальности» [6, с. 187].

Особенность идиостиля Бунина – соотнесённость рефлексивов с интертекстом, отсылками к произведениям русской лирики. «... Интертекстуальность так же,

как и использование терминов, является одним из способов метаязыкового высказывания о поэзии и способах создания... текста» [8, с. 74].

Ряд метаязыковых комментариев в прозе Бунина связан с оценкой поэтических произведений, при этом может развиваться мотив непонимания цитируемого текста одним из персонажей. Это непонимание отражает различия в мировосприятии героев и служит знаком намекающегося внутреннего конфликта. Так, например, в романе «Жизнь Арсеньева» Лика не принимает метафор Фета, которыми восхищается Арсеньев, ср.:

Я читал:

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли...

Она спрашивала:

– *Какие змеи?*

И нужно было объяснить, что это – метель, поэмка.

«Разъяснение стихов наивной возлюбленной... – частый сюжет у Бунина» [3, с. 81]. Одновременно такой комментарий может выявлять имплицитные смыслы, значимые для интерпретации произведения в целом. Например, в рассказе «Холодная осень» герои вновь обращаются к стихам Фета: *Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:*

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот...

– Капота нет, – сказала я. – А как дальше?

– Не помню. Кажется так:

Смотри – меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстаёт...

– *Какой пожар?*

– *Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. Времена наших дедушек и бабушек... Ах, боже мой, боже мой!*

Лексема *пожар* получает объяснение в реплике персонажа, однако в контексте целого она приобретает иной, символический смысл и выполняет проспектив-

ную функцию: «пожар» – начавшаяся война, предвещие революционной бури, гибели привычного для героини уклада жизни. Характерно, что текст Фета передаётся в рассказе неточно: «дремлющих сосен» заменяется на «чернеющих». В результате возникает другая колоративная картина (цвет пожара на чёрном фоне), углубляющая трагический подтекст рассказа.

Иной характер носит интертекст в рассказе «Чистый понедельник». Герой в нём цитирует летописный текст, толкования в котором требует слово *силен*. Обращение к этому древнерусскому тексту сближает персонажа с героиней, которая любит «русское летописное, русские сказания»:

– *И давайте закажем обед **силен!***

– *Как это «**силен**»?*

– Это значит – сильный. Как же вы не знаете? «Рече Гюрги...»

– Как хорошо! Гюрги!

Мотив непонимания в результате трансформируется в мотив обретенного взаимопонимания.

«Гораздо чаще интертекстуальность представляет собой не диалог..., а определённую “точку отсчёта” рефлексии автора, его желания понять себя и окружающий мир на новой эмоционально-интеллектуальной волне, источник которой принадлежит другому автору, авторам, коллективному бессознательному...» [5, с. 32]. Так, в рассказе «Косцы» комментарий к народной песне «позволяет автору подняться над частным разделением “мы” – “они” и выйти на новый уровень единства, преодолеть время и пространство» [4, с. 172].

Наряду с характерологической и интертекстуальной функциями, рефлексивы в прозе Бунина регулярно выполняют функцию оценки слова и через него изображаемых реалий, явлений или лиц. Выразиться при этом может оценка как персонажа, так и повествователя. Ср., например:

(1) *Сколько торговли с лотков, на всяческих толкучках и “пупках”, выражаясь тем подлым языком, который всё более входит у нас в моду!* («Несрочная весна»);

(2) – *Ты любишь только моё тело, а не душу!* – горько сказала однажды Катя.

Опять это были чьи-то чужие, театральные слова, но они, при всей их вздорности и избитости, тоже касались чего-то, мучительно-неразрешимого («Митина любовь»).

В позднем творчестве Бунина рефлексивы неоднократно выступают в текстообразующей функции. Так, рассказ «Брань» строится как диалог двух персонажей, обменивающихся ругательствами, сила которых постепенно нарастает; см., например:

Лаврентий. Я не Ванька, я хозяин.

Сухоногий. Ну, и лопни твоё чрево с твоим хозяйством!

В инвективах персонажей отражается их оценка общественной ситуации. Одновременно текст рассказа представляет собой культурно маркированную типизацию средств народной брани.

В рассказе «Муравский шлях» даётся народная этимология названия дороги, воскрешающая далёкое прошлое и актуализирующая историческую память. Весь «краткий рассказ» является в этом случае рефлексивом, определяющим семантику заглавия: [татары], «как муравьи, шли».

Другой «краткий рассказ» «Петухи» строится как метаязыковая рефлексия над фразой «*Петухи опевают ночь*», вынесенной в сильную позицию текста – его финал. Эта рефлексия предполагает определение семантической и образной мотивированности слова *петухи* и актуализирует его внутреннюю форму на основе деривационной связи лексических единиц *петухи* – *петь* – *опевают*.

Заключение

Количество метаязыковых комментариев постепенно увеличивается в произведениях Бунина, оно возрастает в текстах 20–30-х гг., при этом усложняются их функции. Метаязыковые комментарии в прозе Бунина выполняют как собственно конструктивные, так и художественные функции: они характеризуют изобража-

емую среду, выделяют особенности речи персонажей, выявляют подтекст произведения, выражают положительную или отрицательную оценку, служат средством

текстообразования, осуществляют контакт с адресатом текста – читателем.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 398 с.
2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2002. 378 с.
3. Капинос Е. В. Поэзия приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. 247 с.
4. Лазанская Е. А. Мифологизация пространства в рассказе И. А. Бунина «Косцы» // И. А. Бунин в начале XXI века. Воронеж: Кварта, 2005. С. 168–176.
5. Муратова Е. Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. №2. С. 30–34.
6. Радбиль Т. Б. Когнитивистика: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018. 375 с.
7. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: Инфра-М, 2018. 164 с.
8. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. М.: ЯСК, 2017. 359 с.
9. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 325 с.

REFERENCES

1. Averin B. V. *Dar Mnemosyny: Romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii* [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2003. 398 p.
2. Vepreva I. T. *Zazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Yekaterinburg: Yekaterinburg University Publ., 2002. 378 p.
3. Kapinos E. V. *Poeziya primorskikh Al'p. Rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Alpes-Maritimes. The stories of I. Bunin 1920s]. Moscow, Zazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 247 p.
4. Lazanskaya E. A. *Mifologizatsiya prostranstva v rasskaze I. A. Bunina «Kostsy»* [Mythologization of space in I. Bunin's short story "Mowers"]. In: [I. Bunin at the beginning of the 21st century]. Voronezh, Kvarata Publ., 2005, pp. 168–176.
5. Muratova E. Yu. [Intertextuality as a factor in generating meaning in a poetic text]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Zazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2012, no. 2, pp. 30–34.
6. Radbil' T. B. *Kognitivistika* [Cognitive science]: textbook. Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod University Publ., 2018. 375 p.
7. Tarasova I. A. *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody: monografiya* [Cognitive poetics: subject, terminology, methods: monograph]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 164 p.
8. Fateeva N. A. *Poeziya kak filologicheskii diskurs* [Poetry as a philological discourse. Moscow, YaSK Publ., 2017. 359 p.
9. Shumarina M. R. *Zazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoi prozy): monografiya* [Language in the mirror of literary text (metalanguage reflection in the works of Russian prose): monograph]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 325 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николина Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: admin@riash.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya A. Nikolina – Cand. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: admin@riash.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И. А. Бунина // **Вестник Московского государственного областного университета**. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 35–42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42

FOR CITATION

Nikolina N. A. Metalanguage Comments in I. Bunin's Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 35–42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42